

ИССЛЕДОВАНИЯ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМОЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ирина Андреевна Григорьева (soc28@yandex.ru),
Олеся Сергеевна Квасова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Григорьева И.А., Квасова О.С. (2019) Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 37–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2>.

Аннотация. Рассмотрен ряд вопросов, касающихся причин и технологии проведения начавшейся в 2018 г. в России пенсионной реформы. Авторы обсуждают возможности и варианты реформы с большим вниманием к интересам населения. В наступающих переменах в самом сложном положении оказались женщины, которые уже сталкивались с трудностями нахождения новой работы в пенсионном возрасте. Занятость в позднем возрасте в развитых странах повсеместно растет, и пожилые находят рабочие места за счет повышения квалификации, адаптации рабочих мест и частичной занятости, а не только за счет контроля за работодателями, как предложил российский законодатель. Сейчас, когда реформа уже началась, важно выяснить, какие варианты решения пенсионного вопроса можно было бы рассмотреть, какие риски и возможности появились для женщин предпенсионного возраста.

Ключевые слова: старение, женщины, предпенсионный возраст, пенсионная реформа, конфликты, теневая занятость, повышение квалификации.

Введение

Год 2018 был насыщен изменениями. Прошли выборы Президента Российской Федерации, начались перемены в разных сферах жизнедеятельности человека — экономической, социальной, политической. 14 июня 2018 г. Правительство РФ в лице Д.А. Медведева объявило о начале пенсионной реформы в России, а уже 16 июня проект Федерального закона № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» был предложен к рассмотрению в Государственно Думе (О внесении изменений... 2018). О возможности и даже необходимости повышения пенсионного возраста долго спорили политики и экономисты, однако первые лица

государства заявляли, что повышения не будет или не будет в ближайшие годы (Как Путин говорил... 2018). Внезапность начавшегося повышения возраста принуждает к вопросам, касающимся технологии проведения начавшейся пенсионной реформы. Собственно, реформой предложенные параметрические изменения, т.е. повышение возраста выхода на пенсию, назвать трудно (Назаров 2012). Международная практика свидетельствует, что повышение возраста выхода на пенсию — основная используемая мера, но она, как правило, реализуется в более медленном темпе, чем рост по полгода в год. Поэтому в ряде стран, как и в России, эта мера встретилась с активным гражданским противостоянием и недовольством, акциями протеста и общественными дебатами (Греция — 2017 г., Португалия — в конце 2011 г., Польша — 2013 г., Аргентина — 2008 г., Словакия — 2012/2017 гг.) (Шпаргалка для правительства 2018).

Принятые меры вызвали большой резонанс, значительная часть населения была против, как и показывали опросы, проведенные предварительно ФОМ. Около 80 % граждан отрицательно отнеслись к реформе (Повышение пенсионного возраста 2018). Многие поддерживали протестные акции, организовывали сбор подписей против повышения возраста выхода на пенсию. Активно тема повышения пенсионного возраста обсуждалась в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, ряд роликов с мнением граждан о реформе был размещен на YouTube.

Актуальность и теоретическая рамка

В современном мире идет процесс активного старения населения, пожилых становится больше, и живут они дольше (Тенденции в области старения 2018). Однако было бы односторонним ограничить рассмотрение старения населения рамками статистических данных и демографическим подходом. Сдвиг институциональных, т.е. установленных законодательством, границ пожилого возраста может изменить демографическую картину, увеличив число «трудоспособных», т.е. взрослых, и уменьшив число пенсионеров, т.е. пожилых. Но социальный эффект такой меры далеко не только в экономии расходов на выплату пенсий.

Символическое значение верхней границы возраста трудоспособности связано с тем, что активными, нормальными, т.е. соответствующими требованиям самообеспечения, включенными в социальное пространство, считаются работающие люди. Собственно говоря, необходимость работы, в том числе по найму, для самообеспечения, была очевидной для человека христианского мира, знающего о первородном грехе и необходимости его искупления. Поэтому появление нормирования времени искупления через возраст и возникновение возможности чувствовать себя «искупив-

шим грехи» и быть свободным от божьей кары стало во второй половине XIX в. в каком-то смысле культурным переворотом... Нелишне вспомнить, что социальное нормирование возраста началось с детства, точнее, с момента, когда школьное образование стало считаться обязательным. А затем шаг за шагом пространство жизни стало четко структурированным и привязанным к «правильному возрасту», когда должны наступать различные события. В современном обществе произошел сдвиг от аморфного и недисциплинированного старения к жестким, управляемым извне рамкам пенсионирования, трудового стажа и возраста (Grigoryeva et al. 2019: 4). Необходимо отвечать учетным требованиям, быть частью «исчисляемого человека». Ряд исследователей отмечают, что современные дисциплинирующие (или цивилизующие) институты в первую очередь направлены на регулирование времени (Rosa 2013: 7).

Пенсионные системы, быстрое развитие которых связано с законодательством о социальном страховании О. фон Бисмарка в 1880-х годах, сформировали убежденность в том, что существует «правильный возраст», когда начинается не старение, а когда человек может уйти на пенсию. У Бисмарка пенсионное страхование было просчитано так, чтобы, уйдя в 65 лет при страховом стаже 35 лет, человек в среднем мог прожить 13 лет, получая пенсионное возмещение около 40 % утраченного заработка. Тогда это разорвало связь старости и бедности и было историческим событием. Взносы строго учитывались, и люди прекрасно понимали, что пенсия является отложенной частью заработной платы, а никак не подарком государства (Esping-Andersen 1990).

Но постепенно именно пенсионный возраст гипостазировался и стал символом окончания «трудового» этапа жизни и перехода к «времени отдыха». Поскольку работа была во многом принудительной, то счастье и благополучие понимались как свобода от принуждения к труду. Особенно в советской пенсионной системе, где не было индивидуализированного учета пенсионных взносов, мифология постепенно заменила представление о рациональном строении пенсионной системы. Универсализация отраслевых пенсионных режимов произошла через закон СССР только в 1956 г., хотя готовился он еще с конца 1920-х годов. Низкие нормы и стажа и возраста, считавшиеся достижениями социализма, закрепили у населения уверенность в том, что чем раньше человек освобождается от работы, тем лучше (Григорьева 2017).

В то время никто не думал, что граница, за которой начинается пространство одиночества, болезней, а затем социального исключения, прочерчена слишком рано... И вместо счастья стареющего человека ждут дряхление и болезни, даже если пенсия достаточно высока, поскольку

преобладал тяжелый физический труд и люди изнашивались раньше, чем сегодня. Но сегодня даже российские специалисты отмечают, что продление возможностей образования и последующей занятости пожилых для модернизирующегося общества оказывается даже более приоритетной задачей, чем развитие социальной защиты (Роик 2011; Елютина, Чеканова 2003). Огромное значение, как оказалось, имеет мотивация жить долго. Результаты исследований свидетельствуют о том, что пессимистические ожидания в отношении жизни в старости могут подорвать желание жить до уровня, превышающего текущую среднюю продолжительность жизни, особенно если люди не понимают, что такое «средняя продолжительность» (Lotherington et al. 2017). Мы уверены, что влияние ожиданий пожилых на продолжительность и качество их жизни в России никак не может быть меньше, чем в Англии и европейских странах. Мотивация пожилых на отсроченное старение и, более широко, на «длинные жизненные планы» не менее важна, чем забота о них. Однако для России такой подход, связанный не только с самообеспечением и самообслуживанием, но и с самоответственностью, всё еще далекое будущее (Сизова 2002: 208).

Существенно также, что отсутствует надежная теоретическая основа для обоснования ожиданий людей в отношении старения и вообще понимания того, что такое старение. Английские исследователи предложили модель, в которой утверждается, что личные ожидания основаны на двух основных источниках информации: на опыте (например, индивидуальной оценке текущего состояния здоровья) и известной научно-общественной информации (т.е. научных результатах, сообщаемых в средствах массовой информации, а также образовательными и профессиональными организациями, занимающимися проблемами старения) (Bowen, Skirbekk 2017). Добавим сюда данные медицинской статистики о болезнях, преобладающих в разных семьях, которые могли бы сделать медицинское страхование более фокусированным, как это происходит, например, в Голландии. Но таких данных в России нет, зато довольно высока латентная нетрудоспособность, влияющая на здоровье и старение (Лебедева-Несевря, Цинкер 2018).

Население России более молодое, чем в странах ОЭСР, но из-за разбалансированной и нерациональной архитектуры пенсионной системы расходы на пенсионное обеспечение даже больше, чем в Европе, т.е. около 8 % ВВП (Расходы на выплату... 2010; 2011) по сравнению с 7,1 в среднем по ОЭСР, причем показатель рос на 1% в год последние десять лет из-за выхода на пенсию все большего числа женщин с относительно высоким заработком. При этом в зависимости от структуры населения

наблюдается большой разброс значений этого показателя — от 2,3 % ВВП в Мексике и 3 % в Южной Корее до 16,2 % и 16,9 % ВВП в Италии и Греции. В Японии на пенсии направляется 9,4 %, в США — 7,2 % ВВП (Соцрасходы в ОЭСР 2019). Европейские государства с развитыми и довольно устойчивыми пенсионными системами решают вопрос роста расходов, как правило, через повышение пенсионного возраста, а иногда — через повышение пенсионного возраста и увеличение страхового стажа, необходимого для получения полной пенсии.

Еще одной причиной повышения возраста выхода на пенсию является то, что доходов пенсионной системы не хватает на выплату пенсий, а это, как правило, самая весомая часть расходов социального бюджета в любой стране. В РФ, где бюджет Пенсионного фонда меньше необходимых затрат на выплаты пенсий, его давно дофинансирует государство. Динамика из федерального бюджета Пенсионному фонду ускоряется, а его размер с 1992 г. увеличился в разы с 54 млн руб. до 3,3 трл руб. на 2018 г. При этом дефицит бюджета Пенсионного фонда сохраняется и составляет 265,5 млрд руб. (Во сколько бюджету... 2018). Правда, авторы считают, что основной причиной является не рост числа пенсионеров, а расширение теневой/неформальной занятости и недобор социальных отчислений по этой причине.

Методы исследования

Мы используем сравнительный подход к вариантам изменения пенсионной системы, известным из научной литературы и периодики. Эмпирическая основа исследования включает вторичный анализ демографических и социологических данных из различных источников и результаты собственных исследований (фокусированных интервью), проведенных в Санкт-Петербурге в конце 2018 — начале 2019 г.

Информационная база исследования — нормативно-правовые акты различного уровня, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Пенсионного фонда России (ПФР), ежегодные отчеты ПФР с 2010 по 2018 г. и данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Варианты изменения пенсионной системы

Сейчас, когда реформа уже началась, важно выяснить, какие варианты решения пенсионного вопроса можно было бы рассмотреть? Какие риски и возможности появились для женщин, поскольку они более уязвимы на рынке труда? Существует несколько вариантов ответов и решений, использованных разными странами.

Первый, наиболее неблагоприятный для населения — сокращение размера пенсий. В России пенсия среднестатистического гражданина составляет 12 783 руб. у женщин, 14 410 руб. у мужчин (Росстат 2018). Сумма довольно низкая, при условии что необходимо оплачивать ЖКХ, лекарства и стараться при этом нормально питаться и одеваться. Решение о сокращении этой суммы привело бы к колоссальным всплескам протестов в обществе. Напротив, если бы прожиточный минимум для пенсионеров перед началом пенсионной реформы был увеличен хотя бы немного, поскольку ряд социальных льгот зависит от его размера, это, возможно, смягчило бы реакцию населения.

Второй вариант — повышения тарифов пенсионных взносов. На настоящий момент предприниматели вносят 22 % на обязательное пенсионное страхование (ОПС) (Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 425). В.С. Назаров из Института им. Гайдара отмечает: «Практически полностью исчерпан потенциал повышения тарифов на обязательное пенсионное страхование. Уровень тарифов даже после их снижения в 2012 г. достаточно высокий — 22 % по сравнению с 16,8 % в среднем по ОЭСР. Это негативно влияет на экономический рост, ограничивая развитие несырьевых секторов экономики, препятствует диверсификации экономики и выводу заработной платы из “тени”» (Назаров, 2012: 67). Добавим, что государство декларирует стремление помочь малому и среднему бизнесу укрепиться на рынке, и увеличение ставки не способствовало бы этому, а также повлекло дальнейший уход малого бизнеса «в тень».

Третий вариант мог быть связан с финансированием расходов на выплату пенсий не только с зарплаты, но и с других взносов с любых источников доходов. Однако подобная практика не прописана в законодательстве РФ и вряд ли возможна. «Обратный» этому вариант — увеличение доходов ПФР за счет дополнительных взносов отраслей или предприятий с досрочными режимами пенсионирования, поскольку досрочные пенсии, как не раз отмечали Т. Малева и О. Синявская, «стоят» около 30 % всех расходов на страховые пенсии (Малева, Синявская 2005; Синявская 2017). Вопрос о снижении количества вредных производств, улучшении технологий или занятости в условиях Севера и приравненных территорий обсуждается не менее 20 лет. Но решение упирается в заинтересованность предприятий в работниках, которые мотивированы именно ранним выходом на пенсию, а не улучшением условий труда. А предприятия не улучшают условия труда и технологию, поскольку не финансируют досрочные пенсии — это остается обязательством и нагрузкой ПФР. Существенный вклад в расходы ПФР по трудовым пенсиям вносят и военные пенсионеры. Поэтому число пенсионеров-льготников не уменьшается...

Четвертый вариант — увеличить трудовой стаж, обязательный для получения «полной пенсии». Такой вариант реформы много раз обсуждался, причем совсем недавно (Власти обсуждают... 2017). Общий трудовой стаж у россиян, особенно мужчин, довольно высок, но вот страхового часто не хватает для начисления трудовой пенсии, и тогда начисляется социальная. Стажевые требования постепенно повышаются: к 2025 г. минимальный страховой стаж составит 15 лет. Для Пенсионного фонда имеет значение только «белый» стаж, когда за работника шли отчисления, а это соблюдается не всегда и часто не по вине работника. Неформальная/серая/теневая занятость дает более трети всех доходов россиян (Солопов и др. 2019), но, естественно, отрицательно сказывается на собираемости социальных отчислений и наполнении бюджета Пенсионного фонда. Так, несмотря на то что в ближайшие десятилетия старение населения представляет собой вызов российской пенсионной системе, основная ее проблема связана не столько с демографией, сколько с ситуацией на рынке труда и, в частности, с неуклонным сужением базы для уплаты пенсионных взносов за счет как распространения фрилансерства, характерного для постиндустриальной экономики, так и роста неформальной занятости, отражающей системные проблемы в сфере занятости и экономики в целом (В тени регулирования 2014).

Пятый и, видимо, последний или самый простой вариант — повышение возраста выхода на пенсию. Он позволит увеличить время уплаты взносов со всеми сделанными оговорками про теневую занятость, но в первую очередь сократит период получения пенсии (Синявская 2017: 563; Vogel, Ludwig, Börsch-Supan 2017). Именно сокращение периода выплат и начало их с более позднего возраста оказалось весьма чувствительным для населения. Кажется, что в этом же варианте выигрыш государства самый заметный. Однако, учитывая негативную реакцию населения и развитость теневой занятости, предположим, что выигрыш будет не столь велик, как оказались велики имиджевые потери первых лиц.

Тем не менее, рассмотрев возможные варианты решения задачи, связанной с дефицитом бюджета пенсионной системы и старением населения, можно сделать вывод — тот путь, который выбрало государство, является рациональным, хотя бы потому, что по нему идут практически все развитые страны. Отсюда появляется вопрос: можно ли было избежать недовольства населения и протестов?

Изменения пенсионной системы во всех странах вызвали бурное обсуждение, так как в него включены не столько граждане пенсионного возраста, сколько занятая и активно трудящаяся часть населения, которых изменения касаются в первую очередь. Итак, 3 октября 2018 г. был под-

писан Федеральный закон № 350-ФЗ, в котором изменилась основная параметрическая характеристика — возраст выхода на пенсию (Федеральный закон № 350 2018). Теперь для женщин это 60 лет, для мужчин — 65 лет. Переходный период рассчитан на 10 лет, т.е. время выхода будет расти на полгода / шесть месяцев в год и закончится в 2028 г. Отдельным пунктом прописаны категории граждан, которые смогут рассчитывать на досрочный выход на пенсию. Например, многодетные женщины с тремя и четырьмя детьми. Количество детей соотносится с годами более раннего выхода на пенсию (Пенсионный фонд России 2018).

Можно предположить, что недовольство населения возникло по ряду причин. Первая причина — состояние здоровья. По материалам ВОЗ (World Health Organisation-WHO), Россия отличается низкими показателями продолжительности здоровой жизни по сравнению с Европой и странами СНГ. Например, в 2016 г. продолжительность жизни в России составила 66,4 у мужчин, 77,2 у женщин. В Армении — 71,2 и 78,1 у мужчин и женщин соответственно. В Эстонии — 73 и 82,1, Швейцарии — 81,2 и 85,2 (табл.).

Заметно, что и по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, и по ожидаемой продолжительности здоровой жизни Россия заметно отстает и от европейских стран, и от стран бывшего СССР.

Питание российских пенсионеров содержит меньше овощей и фруктов, чем у жителей Европы. Исследователи утверждают, что знания о ра-

Таблица

Сравнительный анализ ожидаемой продолжительности жизни при рождении и ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении		Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Россия	66,4	77,2	59,1	67,5
Армения	71,2	78,1	63,6	68,7
Эстония	73	82,1	64,6	71,4
Швейцария	81,2	85,2	72,4	74,5

Источник: (World Health Organization 2016).

циональном питании зависит не только от количества дохода, но и от культуры питания. На 2016 г. в Петербурге были представлены такие данные:

- пенсионеров 1 млн 447 тыс.
- средний размер пенсий в 2016 г. — 13 739 руб. в месяц;
- 16,5 % жителей города не могут покупать еду, содержащую мясо, рыбу и птицу;
- не покупают фрукты через день 12,2 % пенсионеров.

Можно сделать вывод, что часть людей третьего возраста ограничена в возможностях сбалансированного питания (Веселов 2018: 94).

Основываясь на двух показателях (состояние здоровья и качество питания), вполне можно увидеть опасения за качество будущей жизни, если уйти на пенсию. Однако это необязательно, Кодекс Законов о труде Российской Федерации (КЗОТ) охраняет права на занятость людей пенсионного возраста, но некоторым из них уже может быть физически тяжело работать, что зависит от характера труда больше, чем от возраста. К тому же идет быстрый процесс замещения подобных рабочих мест мигрантами. Но все же выход — продолжать работать, желательно получив приемлемые условия труда (неполный рабочий день или неделю, сезонно и т.п.).

Вторая, но, возможно, главная причина, которая спровоцировала появление конфликта, связана с утверждением первых лиц государства о том, что пенсионный возраст повышаться не будет. На эту тему давно ввелись дискуссии, ряд государственных деятелей высказывали свои мнения. Перед выборами эту тему не поднимали. Однако стоило заранее обсуждать это, говорить, что пенсионный возраст обязательно будет изменен, вариации будут обсуждаться, объяснить, чем вызвана такая мера и показать возможные варианты решения вопроса. Население было бы готово к изменениям, понимало бы, с чем они связаны (выше были рассмотрены разные пути).

К сожалению, до реформы вопрос о повышении пенсионного возраста казался в далекой перспективе, и до сих пор часть населения не понимает, почему возраст был изменен или, как показали наши интервью, люди не могут посчитать, когда они сами выйдут на пенсию. Конфликта удалось бы избежать или по крайней мере уменьшить накал, если бы с населением открыто говорили, что реформа будет, а конкретные детали находятся в процессе обсуждения.

Какие возможности появились или могут появиться у женщин в профессиональном развитии?

По данным Росстат, количество женщин в возрасте от 35 до 50 лет от общего числа работающих женщин в процентном соотношении вы-

глядит так: 85,1 % — от 35 до 39 лет — и 88,7 % — от 45 до 49 лет (от численности населения соответствующей возрастно-половой группы). Если проанализировать уровень участия в рабочей силе по возрастным группам, то можно сделать вывод, что женщины в этот период наиболее востребованы на рынке труда и именно на этом жизненном этапе происходит становление профессиональной карьеры и начинается активное саморазвитие (Росстат 2018: 31).

Всё выглядит достаточно радужно. Если есть дети, то они уже подросли и не требуют тщательного ухода и пристального внимания, кто-то ходит в детский сад или школу. Многие женщины устраивают к этому моменту личную жизнь и могут сконцентрироваться на себе и на своем личностном росте. Уже имеется определенный багаж знаний и навыков, к этому возрасту формируется осознание профессиональной ценности себя как специалиста и значимости в глазах работодателей и коллег.

На всё вышеперечисленное женщина в среднем тратит 15–20 лет, затем начинается следующий этап развития, когда человек сталкивается с новыми трудностями. Если рассмотреть вариант развития событий, когда женщина в течение 20 лет непрерывно трудится, а в 55 лет выходит на пенсию (согласно прошлому законодательству) и прекращает трудовую деятельность, хотя это необязательно, то, как правило, качество жизни ухудшается, социальный статус снижается и она «обслуживает» семью детей и внуков (Григорьева 2018). Общемировая тенденция в пенсионном обеспечении такова, что «200 миллионов женщин пожилого возраста не получают регулярного дохода со стороны систем социальной защиты (пенсий по старости или пособий в связи с потерей кормильца) по сравнению с 115 миллионами мужчин». И если проанализировать статистические данные, предоставляемые международной организацией труда (МОТ), то можно сделать вывод, что существует достаточно значительный разрыв в пенсионном обеспечении между мужчинами и женщинами (МОТ 2016: 10).

Вопрос о «белом», т.е. страховом, трудовом стаже женщин нами не рассматривается, поскольку нет точных данных о том, какой он. Если брать среднюю цифру 20 лет именно для женщин, то это мало. Может быть, стоит изменить политику в отношении трудоустройства молодых специалистов и женщин с детьми, тогда женщина сможет раньше начинать строить свою профессиональную карьеру, соответственно увеличится продуктивный возраст и трудовой стаж.

Как отмечают исследователи, в настоящий момент растет популярность нестандартных форм занятости (НФЗ), что влечет за собой попытки регулирования этого процесса с целью «соблюдения интересов всех участников трудовых отношений» (Котляров 2015: 29).

Нестандартная форма занятости — это такой вид деятельности, который отличается от «классической модели капиталистического наемного труда» (Котляров 2015: 30). Она включает в себя несколько компонентов: «временная (срочная) занятость, работа на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и другие многосторонние трудовые отношения, а также замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость» — такие критерии определения НФЗ выделила Международная организация труда (МОТ 2017: 3).

В последнее десятилетие наблюдается увеличение количества женщин, участвовавших на рынке труда. По данным мировой статистики, женщины часто соглашаются на вариант «работа с низкой квалификацией или низкой оплатой труда» (Карабчук 2013: 97). Одна из мировых тенденций заключается в том, что многие женщины, которые имеют детей, предпочитают участвовать в нестандартной форме занятости, и процент таких женщин растет. Традиционно выделяют три группы населения, которые чаще всего включены в такой вид занятости — женщины, молодежь, мигранты.

Причины такого явления конкретно для женщин связаны с неравным распределением домашних обязанностей, следовательно, они не могут рассчитывать на занятость с обычным графиком, достойным размером оплаты труда и официальным трудоустройством, а значит, не могут получать социальные гарантии. Как отмечается в исследованиях Международной организации труда, сделанных на основе предоставляемых документов и отчетов из разных стран, в настоящий момент работодатели все еще оглядываются на традиционные женские роли и неохотно берут молодых, многодетных и одиноких матерей на ту или иную должность (МОТ 2017: 8).

Занятость на неполный рабочий день (определенная статистически как занятость менее 35 часов в неделю) — наиболее распространенный тип нестандартной занятости среди женщин. В 2014 г. более 60 % женщин работали неполный рабочий день в Нидерландах и Индии, более 50 % — в Зимбабве и Мозамбике и более 40 % — в Аргентине, Австралии, Австрии, Бельгии, Канаде, Германии, Ирландии, Италии, Японии, Мали, Мальте, Новой Зеландии, Швейцарии и Великобритании (Aleksynska 2017: 2). Это может говорить как об адаптированности рынка труда под интересы женщин, так и о вынужденной неполной их занятости.

В России, если сравнить данные Росстат по численности работников, занятых неполное рабочее время по инициативе работодателя, отчетливо прослеживается, что количество таких работников с 2013 г. растет ежегодно: в 2013 г. 87,6 тыс. чел., 2014 г. — 101,6 тыс. чел., 2015 г. — 132,3 тыс. чел.,

2016 г. — 111,7 тыс. чел., 2017 г. — 155 тыс. чел., на 2018 год пришлось 197,6 тыс. чел. (Росстат 2018). Это совсем немного для современного рынка труда.

Следует отметить, что это число в действительности больше, поскольку отследить данный процесс сложно. Неполная занятость входит состав неформальной занятости, а всё, что связано с теневым рынком труда и нестандартной деятельностью, пока регулированию и контролю поддается тяжело (Росстат 2018). Речь не идет о том, что рынок труда должен полностью регулироваться государством, но, если снизить процент тех, кто работает «в тени», налоговые выплаты увеличатся. Актуальным вопросом остается, как это сделать и как мотивировать участников рынка труда выходить «из тени».

Подводя итог, можно сказать о том, что Россия имеет такие же тенденции развития нестандартных форм занятости женщин, как и весь мир. Наше государство обладает достаточно высокими показателями занятости в неформальном секторе экономики, и это стимулирует к осознанному подходу регулирования данного процесса. К плюсам неформальной занятости можно отнести, например, то, что женщина без отрыва от домашних обязанностей может выполнять трудовые функции. В настоящий момент уже распространена дистанционная занятость, чаще всего в нее вовлечены молодые мамы, которые продают товары, одежду, кондитерские изделия, косметику через интернет-магазины или социальные сети. Набирает популярность репетиторство, проведение различных конференций, совещаний через Skype и другие подобные программы.

Главные минусы этого процесса, особенно для женщин, — отсутствие социальных гарантий, выплат в случае болезни, нерегулируемый отпуск и выходные дни. Но существуют проблемы и для государства, поскольку в дальнейшем такой работник выходит на пенсию и государство вынуждено «доплачивать» к его пенсии дополнительные средства, так как работодатель от заработной платы работника ничего не отчислял в фонды социального страхования (Стребков и др. 2016: 90). Кроме того, если стаж не подтвержден, работник получает социальную пенсию из бюджета, а не страховую из ПФР.

Можно сделать вывод, что в России высока доля женщин, вовлеченных в нестандартную занятость, доказательством чего являются представленные Росстатом данные. Но достаточно хорошо этот вопрос не изучен и только сейчас начинает привлекать внимание исследователей. Стоит уже сейчас начинать регулировать данный процесс и создавать программы социальной поддержки для женщин предпенсионного возраста, чтобы построить отлаженную систему перехода к неформальным видам занято-

сти на пенсии без серьезных социальных последствий как для женщин, так и для государства.

Еще одной возможностью может быть повышение квалификации или профессиональная переподготовка, бесплатная или с определенными скидками. Это стало бы отличной возможностью изменить свою занятость и остаться на рынке труда. Курсы, которые существуют сейчас, в большинстве случаев «теоретического» характера, не соответствуют потребностям рынка труда. В средних и маленьких городах действительно сложно получить качественное образование на существующих площадках.

В Федеральном законе № 350 появились изменения, касающиеся лиц предпенсионного возраста. Это гарантии и льготы со стороны государства:

- 1) сохранение льгот, которые раньше предоставлялись только после выхода на пенсию (бесплатные лекарства и проезд на транспорте, скидка на оплату капремонта и других жилищно-коммунальных услуг, освобождение от имущественного и земельного налогов);
- 2) в текущем году вводятся новые социальные гарантии — ежегодная диспансеризация;
- 3) гарантия трудовой занятости; работодатели, которые уволили сотрудника по возрасту, могут понести административную или уголовную ответственность (Пенсионный фонд России 2018).

По трудовому законодательству и ФЗ № 350 работодатель не имеет право уволить или отказать в работе по возрастному критерию, но может отказать из-за отсутствия профессиональных навыков и знаний. На данный момент сложно оценить, насколько такая поддержка является значимой и ощутимой, для этого необходимо изучение общественного мнения и более глубокий анализ вопроса.

Заключение

Итак, мы рассмотрели варианты изменения пенсионной системы, не учтенные в предложенной реформе. Но другие способы, например увеличение трудового стажа или собираемости социальных отчислений с предприятий, реализовать было бы сложнее из-за нахождения «в тени» значительной части производства и заработных плат работников.

В сегодняшних реалиях многие женщины являются самозанятыми, организуют свой бизнес или работают на дому, как правило, их число отследить сложно, поскольку они находятся в теневой занятости. Если данный процесс отрегулировать и предоставить преимущества выхода на реальный рынок, то и государство, и целевая группа будут выстраивать партнерские отношения.

Получение дополнительного образования является трамплином для начала нового или продолжения прошлого карьерного пути, но с более актуальными знаниями или возможностью сменить профиль деятельности. Гарантии со стороны государства прописаны в законе. Насколько они действительно будут работать и поддерживать население, предстоит выявлять эмпирическим путем. Пока что женщинам предпенсионного возраста стоит самостоятельно искать возможности для своего развития, чтобы оставаться на рынке труда, не терять свою компетентность и быть востребованными специалистами. Один из главных рисков для них — остаться вне рынка труда. Поэтому главной возможностью для женщин является время, которое нужно использовать, чтобы начать менять свою жизнь, пополнять свои знания и получать навыки для профессионального развития.

Что же касается конфликтных ситуаций в связи с повышением пенсионного возраста, то надеяться на то, что власти больше не будут испытывать терпение населения непродуманными реформами, трудно. Возмущение населения быстро стихло, в митингах активно участвовала молодежь, а не люди предпенсионного возраста, которых ситуация непосредственно касается. Населению становится понятно, что выход на пенсию — сложный процесс из-за множества переменных, которые влияют на него, но главное — необязательный. Насколько государство финансово выиграет, покажет время, поскольку использованные технологии реформирования, как мы думаем, способствуют уходу занятости «в тень». А разница между трудовой и социальной пенсией не настолько велика, чтобы мотивировать людей «из тени» выйти...

Выражение благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Литература

Веселов Ю., Таранова О., Цзинь Ц. (2018) Горький хлеб старости? Социальные практики питания пожилых людей. *Журнал исследований социальной политики*, 16(1): 81–94. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-81-94.

В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.

Григорьева И.А. (2018) Пожилые женщины: вниз по лестнице возраста и гендера. *Женщина в российском обществе*, 1: 5–18. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1.

Григорьева И.А. (2017) Сто лет трансформаций социальной политики в России. *Журнал исследований социальной политики*, 15(4): 497–518. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514.

Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. (2003) Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества. *Социологические исследования*, 7: 43–48.

Женщины в сфере труда. Тенденции 2016 (2016) *Международное бюро труда*. Женева: 9–10.

Карабчук Т.С., Панкратова В.Л. (2013) Оплата труда матерей в России: существует ли дискриминация? *Экономическая социология*, 14(1): 96–97.

Котляров И.Д. (2015) Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные. *Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 6(4): 28–30.

Лебедева-Несевря Н., Цинкер М.Ю. (2018) Различия в показателях здоровья работающих женщин и мужчин в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.1>.

Малева Т.М., Синявская О.В. (2005) *Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы*. Аналитический доклад. М.: НИСП [<https://docplayer.ru/27962433-T-m-maleva-o-v-sinyavskaya-pensionnaya-reforma-v-rossii-istoriya-rezultaty-perspektivy.html>] (дата обращения: 10.03.2019).

Женщины в сфере труда. Тенденции 2016 (2016) *Международное бюро труда*. Женева: 9–10.

Назаров В.С. (2012) Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы? *Вопросы экономики*, 9: 67–87.

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. (2017) *Международное Бюро труда*. Женева: 1–3, 7–8.

Роик В.Д. (2011) *Мир пожилых людей как его обустроить*. М.: ЭКСМО.

Сизова И.Л. (2002) Современные направления модификации социальной политики в странах Западной Европы. *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*, 1(2): 201–210.

Синявская О.В. (2017) Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений. *Экономический журнал ВШЭ*, 21(4): 562–563.

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. (2016) Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 89–90.

Aleksynska M. (2017) Women in Non-standard Employment. *INWORK Issue Brief No 9*. Geneva: ILO.

Bowen C.E., Skirbekk V. (2017) Old age expectations are related to how long people want to live. *Ageing and Society*, 37(9): 1898–1923. <https://doi.org/10.1017/S0144686X16000726>.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Grigoryeva I., Vidiysova L., Dmitrieva A., Sergeeva O. (2019) *Elderly Population in Modern Russia. Between Work, Education and Health*. Springer Neitherlands.

Lotherington A.T., Obstfelder A., Halford S. (2017) No place for old women: a critical inquiry into age in later working life. *Ageing and Society*, 37(6): 1156–1178.

Rosa H. (2013) *Social acceleration: A new theory of modernity*. N.Y.: Columbia University Press.

Vogel E., Ludwig A., Börsch-Supan A. (2017) Aging and Pension Reform: Extending the Retirement Age and Human Capital Formation. *Journal of Pension Economics & Finance*, 16(1): 81–107.

Источники

Власти обсуждают повышение минимального трудового стажа для получения пенсии. *Ведомости*. 22 октября 2017 г. [<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/10/23/738883-povishenie-trudovogo-stazha>] (дата обращения 17.03.2019).

Во сколько бюджету страны обходится обеспечение Пенсионного фонда России? *Официальный сайт Государственной Думы РФ* [<http://duma.gov.ru/news/27893/>] (дата обращения: 28.02.2019).

Динамика среднего размера назначенных пенсий в зависимости от пола и места проживания пенсионера в Российской Федерации. Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста (2018) *Федеральная служба государственной статистики* [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#] (дата обращения: 31.01.2019).

Соцрасходы в ОЭСР ушли на пенсию. Мониторинг мировой экономики (2019) *Коммерсантъ*. № 12 от 24.01.2019 [<https://www.kommersant.ru/doc/3861499>] (дата обращения: 28.02.19).

Мониторинг мировой экономики. Повышение пенсионного возраста: реакция граждан (2018) *ФОМ* [<https://fom.ru/Экономика/14057>] (дата обращения: 28.02.19).

Как Путин говорил о том, что пенсионный возраст не повысят (2018) *Медуза* [<https://www.youtube.com/watch?v=dv6BIrN'TeSs>] (дата обращения: 08.12.19).

Солопов М., Старостина Ю. Ткачёв И. (2019) Финансовая разведка оценила в 20 трлн объем теневой экономики в России. *РБК* [<https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee>] (дата обращения: 22.02.2019).

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) (2018) Стат. сб. М.: Росстат [http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf] (дата обращения: 10.03.2019).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.06.2018 № 1192-р «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации [http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806180002] (дата обращения: 28.02.2019).

Тарифы страховых взносов (введены Федеральным законом от 03.07.2016 № 243-ФЗ). Статья 425. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.01.2019) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/a3f603ffd57b1431ed51e1693ba710093347235d/] (дата обращения: 31.01.2019).

Тенденции в области старения населения 2018 (2018) *Организация Объединенных Наций* [https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/index.html] (дата обращения: 01.12.2019).

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ (последняя редакция) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156] (дата обращения: 01.02.2019).

Численность работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по видам экономической деятельности в Российской Федерации. Рынок труда, занятость и заработная плата. Трудовые ресурсы. (2018) *Федеральная служба государственной статистики* [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force] (дата обращения: 05. 02. 2019).

Что нужно знать об изменениях в пенсионной системе? *Пенсионный фонд России* [http://www.pfrf.ru/zakonoproekt] (дата обращения: 01.02.2019).

Шпаргалка для правительства: как в мире реформировали пенсионную реформу (2018) *РБК* [https://www.rbc.ru/photoreport/01/06/2018/542420d8cbb20f1f5e013f65] (дата обращения: 01.12.2019).

Life expectancy and Healthy life expectancy Data by country (2016) *World Health Organization* [http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXv?lang=en] (дата обращения: 01.02.2019).

PUBLIC DISSATISFACTION WITH PENSION REFORM: A GENDER PERSPECTIVE

Irina Grigoryeva (soc28@yandex.ru),
Olesya Kvasova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Grigoryeva I., Kvasova O. (2019) Nedovol'stvo naseleniya pensionnoy reformoy: gendernyy aspekt [Public dissatisfaction with pension reform: a gender perspective]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 37–56 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2>.

Abstract. The article provides an assessment of the pension reform of 2018 in Russia and raises a number of issues. The main change in the pension system is the increase in the retirement age. This measure is the main in international practice. As a rule, this is implemented at a slower pace than half a year. Recent reforms in the area of pensions have generated various possible ways for the development. We will consider options for changing the pension system, not included in the Pension Reform. Other options (increase in seniority or tax from enterprises) are more difficult to implement, since many companies are in the shadow sector. Women found themselves in a difficult position because of the difficulties in finding a job after 45 years. They retired and raised their grandchildren, after which they cannot return to work. Employment at a later age is growing in many developed countries. The elderly find work as they improve their skills, adapt to new conditions and part-time employment. Studies of older people's labour potential in Russia suggest that the situation with post-retirement employment will improve once people with sufficient educational resources. At the moment, our government offers control over employers. It is important to find out which solutions for the pension issue could be considered? What are the risks and opportunities for women of pre-retirement age? These and other points were revealed by us in the article.

Keywords: pre-retirement age, women, pension reform, dissatisfaction, shadow employment.

Acknowledgements

The article prepared with supporting of RScF “Challenges of the transformation of Welfare State in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services” (no. 19-18-00246).

References

- Aleksynska M. (2017) Women in Non-standard Employment. *INWORK Issue Brief No 9*. Geneva: ILO.
- Bowen C.E., Skirbekk V. (2017) Old age expectations are related to how long people want to live. *Ageing and Society*, 37(9): 1898–1923. <https://doi.org/10.1017/S0144686X16000726>.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Grigoryeva I., Vidiyasova L., Dmitrieva A., Sergeeva O. (2019) *Elderly Population in Modern Russia. Between Work, Education and Health*. Springer Netherlands.

Grigoryeva I.A. (2017) Sto let transformatsiy sotsial'noy politiki v Rossii [One hundred years of transformation of social policy in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 15(4): 497–518. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514.

Grigoryeva I.A. (2018) Pozhilyye zhenshchiny: vniz po lestnitse vozrasta i gendera [Older women: down the ladder of age and gender]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 1: 5–18 (in Russian).

Karabchuk T.S., Pankratova V.L. (2013) Oplata truda materey v Rossii: sushchestvuyet li diskriminatsiya? [Remuneration of mothers in Russia: is there discrimination?] *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 14(1): 96–97 (in Russian).

Kotlyarov I.D. (2015) Nestandartnyye formy zanyatosti: pozitivnyye, negativnyye, neytral'nyye [Non-standard forms of employment: positive, negative, neutral]. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* [Economic Regulation Issues], 6(4): 28–30 (in Russian).

Lebedeva-Nesevrya N., Tsinker M.Y. (2018) Razlichiya v pokazatelyah zdorov'ya rabotayushchih zhenshchin i muzhchin v Rossii [Sex differences in health of working population in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(3): 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.1>.

Lotherington A.T., Obstfelder A., Halford S. (2017) No place for old women: a critical inquiry into age in later working life. *Ageing and Society*, 37(6): 1156–1178.

Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (2005) *Pensionnaya reforma v Rossii: istoriya, rezul'taty, perspektivy*. Analiticheskiy doklad [Pension reform in Russia: history, results, prospects]. Moscow: NISP [<https://docplayer.ru/27962433-T-m-maleva-o-v-sinyavskaya-pensionnaya-reforma-v-rossii-istoriya-rezultaty-perspektivy.html>] (accessed: 10.03.2019) (in Russian).

Nazarov V.S. (2012) Budushcheye pensionnoy sistemy: parametricheskiye reformy ili smena paradigmy? [Future pension system: parametric reforms or a paradigm shift?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 9: 67–87 (in Russian).

Nestandartnyye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektivy resheniya v raznykh stranakh [Non-standard forms of employment. Problem analysis and solution prospects in different countries]. *Obzornaya versiya*. (2017) *Mezhdunarodnoye Byuro Truda* [International Labor Office]. Zheneva: 1–3, 7–8 (in Russian).

Rosa H. (2013) *Social acceleration: A new theory of modernity*. New York: Columbia University Press.

Sinyavskaya O.V. (2017) Rossiyskaya pensionnaya sistema v kontekste demograficheskikh vyzovov i ogranicheniy [Russian pension system in the context of demographic challenges and restrictions]. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [Economic Journal of HSE], 21(4): 562–563 (in Russian).

Sizova I.L. (2002) Sovremennye napravleniya modifikatsii sotsial'noy politiki v stranah Zapadnoy Evropy [Modern directions of modification Social Policy in Western Europe]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya:*

Social'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences] 1(2): 201–210 (in Russian).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. (2016) Samostoyatel'naya zanyatost' na rynke udalonnoy raboty: rasprostraneniye innovatsionnoy trudovoy praktiki [Self-employment in remote labor market: the spread of innovative labor practices.]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 89–90 (in Russian).

Veselov Y., Taranova O., Tsini T.S. (2018) Gor'kiy khleb starosti? Sotsial'nyye praktiki pitaniya pozhilykh lyudey [Bitter bread of old age? Social nutrition practices of the elderly] *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 16(1): 81–94 (in Russian).

Vogel E., Ludwig A., Börsch-Supan A. (2017) Aging and Pension Reform: Extending the Retirement Age and Human Capital Formation. *Journal of Pension Economics & Finance*, 16(1): 81–107.

Yelyutina M.E., Chekanova E.Y. (2003) Pozhiloy chelovek v obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo obshchestva [An elderly person in the educational space of modern society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 7: 43–48. (in Russian).

Zhenshchiny v sfere truda. Tendentsii 2016 [Women at Work. Trends 2016]. *Mezhdunarodnoye byuro truda* [International Labor Office]. Zheneva: 9–10 (in Russian).